

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

За последние годы в республиканской печати Киргизии, в частности на страницах партийного журнала «Коммунист» (на киргизском языке)¹, а также в журнале «Вопросы истории»² и других были подвергнуты справедливой критике серьезные идеологические ошибки, содержащиеся в некоторых из моих работ по этнографии Киргизии, в особенности в книге «Очерк культуры киргизского народа» (изд. Киргизского филиала АН СССР, Фрунзе, 1946).

Сознаваемый мной долг советского ученого требует от меня вскрыть и проанализировать, честно признать и осудить идейно-теоретические ошибки, которые я допустил в своей исследовательской работе³. Эти мои ошибки идут по линии следующих вопросов: освещения истории присоединения Киргизии к русскому государству, рассмотрения отдельных периодов истории Киргизии и общественных отношений у киргизов, анализа и оценки киргизского эпоса «Манас» и, наконец, характеристики некоторых вопросов современной культуры киргизского народа, национальной по форме, социалистической по содержанию.

Наиболее важными и имеющими принципиальное значение являются допущенные мной ошибки, касающиеся вопроса о характере и последствиях присоединения Киргизии к России. Этот вопрос освещен мной в «Очерке» с неправильных позиций. Я рассматривал присоединение Киргизии к России как результат насильственного завоевания царизмом населенных киргизами территорий. В книге это событие изображено таким образом, будто бы киргизская знать, подкупаемая царским правительством при помощи подарков, помогала ему завоевать Киргизию, а народные массы с оружием в руках выступали против этого «завоевания».

Как показали исследования последних лет, на деле происходило совсем другое. Подавляющее большинство северокиргизских племен в условиях сложившейся тогда для них международной и внутренней обстановки добровольно вступило в русское подданство. Широкие массы киргизского населения искали путей для избавления от тяжелого гнета кокандских ханов и маньчжуро-китайской военщины и для прекращения разорительных феодально-племенных войн. Переход под покровительство России был единственным реальным выходом из назревшего кризиса. Интересы некоторых крупных киргизских феодалов-мананов, рассчитывавших при поддержке царской администрации упрочить свое положение в междоусобной борьбе, временно совпадали со стремлением народных масс. Главные военные действия происходили в Киргизии не между царскими войсками и киргизским населением, а между царскими войсками и отрядами войск Кокандского ханства.

Хотя, касаясь последствий присоединения Киргизии к России, я и отмечал «прогрессивное значение факта включения киргизов в состав Российской империи» («Очерк», стр. 25), но в целом дал неполную и, таким образом, неверную характеристику этого важнейшего по своим дальнейшим последствиям, поворотного события в истории киргизского народа. Я ограничился лишь двумя абзацами (стр. 23, 24), в которых только частично осветил положительные стороны рассматриваемого явления. Между тем я обязан был подчеркнуть тот важнейший момент, что патриархально-феодальная Киргизия была вовлечена в русло политического, экономического и культурного развития России, страны, более передовой, чем соседние феодальные государства. Присоединившись к России, киргизский народ избежал поражения со стороны указанных отсталых государств, в которых усиливались проiski алчного английского империализма. Таким образом, Киргизия не стала добычей Англии. Мне следовало особо остановиться на том, что в результате присоединения к России киргизский народ оказался под благотворным влиянием передовой русской культуры, прогрессивных идей передовой части русского общества. Киргизия вошла в состав страны, где назревали революционные битвы, где в авангарде борьбы с царизмом, против гнета и эксплуатации, стал русский пролетариат, возглавляемый партией Ленина — Сталина. Не коснувшись всех этих вопросов, я допустил большую ошибку.

¹ «Коммунист», 1952, № 3.

² «Вопросы истории», 1951, № 4.

³ Развернутая критика этих ошибок была дана мной на заседании Ученого совета Института этнографии АН СССР в июне 1952 г. (см. журн. «Советская этнография», № 4 за 1952 г.). Однако мое выступление на этом заседании было недостаточно самокритичным. Настоящим письмом я надеюсь исправить это.

Неудовлетворительно охарактеризованы мной и взаимоотношения киргизского и русского народов в XIX в. Поскольку я исходил из ошибочного тезиса о насильственном завоевании Киргизии, я и к взаимоотношениям между киргизским и русским народами подходил односторонне, уделяя большее внимание теневым сторонам этих взаимоотношений, стремился прежде всего подчеркнуть реакционный характер колониальной политики царизма. Я недооценил огромное прогрессивное значение того факта, что киргизский народ получил возможность сблизиться с великим русским народом, оказавшись с ним в одном государстве. Правда, в следующей, 3-й главе «Очерка» я отмечаю факты положительного влияния русского населения на различные стороны хозяйственной и культурной жизни киргизского народа в дореволюционный период (см. стр. 28, 29, 33, 40, 65, 66), но это было сделано в совершенно недостаточной степени. Прогрессивное влияние русского народа следовало осветить гораздо полнее. Я не должен был забывать положение В. И. Ленина о существовании двух культур в каждой национальной культуре⁴, указать, что передовую культуру несли в Киргизию лучшие представители русского народа.

В письме киргизского народа товарищу Сталину по случаю 20-летнего юбилея Киргизии было написано:

«Вместе с появлением русских на киргизской земле начали пробиваться тогда еще слабые ростки культуры и просвещения. Не царизм и его солдаты, а передовые представители России несли эту культуру. Выдающиеся русские ученые-исследователи Мушкетов, Северцов, Федченко, Семенов Тянь-Шанский, Пржевальский — первые раскрыли и описали несметные богатства нашего края. История киргизов впервые стала известна миру на русском языке. Русские научили нас подчинять природу и использовать ее сокровища. Первый завод и шахту, первую школу и больницу построили у нас русские. Могучая русская культура стала источником быстрого прогресса нашего народа».

Забвение этих существенных моментов было серьезной ошибкой с моей стороны, приводившей к неверному представлению о роли русского народа в истории Киргизии. Эта ошибка позднее была целиком мной осознана.

В 1944—1946 гг. мое внимание как этнографа привлек к себе киргизский героический эпос «Манас», в котором я пытался найти дополнительный этнографический материал. В результате этих занятий мной было написано и напечатано несколько статей. Я стремился осмыслить и проанализировать прежде всего различные этнографические сюжеты в эпосе, однако не мог не коснуться и некоторых общих вопросов эпического творчества. Как и большинство других исследователей в то время, я воспринимал «Манас» некритически, безоговорочно. Все в этом эпосе казалось мне непогрешимым; не вызывало сомнений, что основное содержание эпоса имеет народное происхождение. Отмечая, что буржуазные националисты «внедряли в сознание сказителей националистические, пантюркистские идейки»⁵, я сам же недооценил этот момент, а также и то, что наиболее распространенные редакции эпоса оказались пропитанными идеей панисламизма. Руководствуясь порочной теорией «единого потока», я не попытался глубоко вникнуть в идейное содержание эпоса «Манас», поэтому и не смог увидеть тот значительный слой в эпосе, который был прямым результатом влияния реакционной феодальной верхушки киргизского общества, стремившейся приспособить народный по своему происхождению эпос к своей классовой идеологии.

В тех случаях, когда мне приходилось давать общую оценку эпоса, я стоял на порочных позициях его огульного и чрезмерного восхваления⁶. В своей рецензии на издание эпоса «Манас» в переводе на русский язык («Манас». Киргизский эпос. Великий поход, М., 1946)⁷ я не подверг критике антинародное содержание представленных в этой книге эпизодов, дав изданию в целом высокую оценку и ограничившись частными критическими замечаниями о качестве перевода.

При исследовании этнографических сюжетов в эпосе «Манас» я отдал дань компаративизму, толкуя некоторые из этих сюжетов в духе «теории заимствования» буржуазного позитивиста Веселовского. Так, например, происхождение сказа о дивах и пери связывается мной непосредственно с влиянием мифа о циклопе. Без достаточной надобности привлечен кое-где сравнительный материал. Вместе с тем мной излишне преувеличена связь отдельных мотивов киргизского эпоса с монголо-ойратским эпосом и с письменными памятниками монгольской литературы. Примененный мной метод сравнительно-этнографического анализа оказался доминирующим.

Серьезной своей ошибкой я считаю ряд положений, содержащихся в ответе Л. Климовичу на его рецензию о книге «Великий поход», напечатанную в журнале «Советская книга»⁸. Я должен признать, что в принципе он был прав, поднимая вопрос о необходимости критического отношения к эпосу «Манас» и в особенности к

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 8.

⁵ См. в моей статье «Творчество киргизского народа» (Сб. «Советская этнография», т. III, 1940, стр. 83).

⁶ «Творчество киргизского народа», стр. 78—79; «Очерк культуры киргизского народа», стр. 55—57, 87—88; «Этнографические сюжеты в киргизском эпосе «Манас», журн. «Советская этнография», 1947, № 2, стр. 134—137.

⁷ Журн. «Советская этнография», 1947, № 1, стр. 225—229.

⁸ Журн. «Советская этнография», 1947, № 3, стр. 168—173.

текстам, положенным в основу перевода книги «Великий поход». Я ошибался, когда преуменьшал значение переработок эпоса в панисламистском духе.

В своем выступлении 4.IV.1949 г. на собрании коллектива сотрудников Института этнографии в Ленинграде, обсуждавшем доклад И. И. Потехина «Задачи борьбы с космополитизмом в этнографии», я указал, в порядке самокритики, на наличие в своих работах некоторых ошибок компаративистского характера⁹. В мае 1952 г. в посланном мной в г. Фрунзе письменном выступлении на научной конференции, посвященной эпосу «Манас», я также признал свои ошибочные взгляды, содержащиеся в работах о «Манасе».

Освещая в главе «Краткие исторические данные» своего «Очерка» (стр. 14—25) некоторые этапы истории киргизского народа и касаясь отчасти этих же вопросов в отдельных других работах, я также допустил ошибочные оценки и отдельные неудачные формулировки.

Ряд важных моментов киргизской истории рассматривался мной только в плане борьбы киргизских племен с иноземными завоевателями. При этом во всех случаях борьба киргизов с другими народами и племенами неправильно расценивалась как борьба справедливая. С этих позиций я истолковывал значительную часть того периода истории киргизского общества, которому были уже присущи классовые противоречия, классовая борьба. Вместо показа положения различных классов, раскрывающих классовых противоречий, борьбы классов, я главное внимание уделил внешним факторам, международным отношениям киргизов. Последние выступают в «Очерке» в рассматриваемые периоды как недифференцированная масса. Поэтому данную мной трактовку ряда этапов древней и средневековой Киргизской истории я должен признать во многом ошибочной, немарксистской. Неверную оценку в «Очерке» получила и история енисейских киргизов XVII в.

Существенными недостатками и противоречивостью страдают содержащиеся в отдельных моих работах характеристики общественных отношений у киргизов. Так, например, на стр. 45 «Очерка» сказано: «Так постепенно создавалась племенная и родовая знать, из которой к середине XIX в. уже сложилась феодальная верхушка киргизского общества в виде манаства». Несколько выше (стр. 42) написано, что до присоединения к России феодальные отношения «еще окончательно не сложились и не представляли собой определенной системы». По отношению же к периоду после присоединения к России отмечается: «В начавшей складываться системе феодальных отношений мы встречаем...» и т. д. (стр. 45).

Вместе с тем, в соответствии с определением общественного строя ряда кочевых и полукочевых в прошлом народов России, которое И. В. Сталин дал в своих известных тезисах к X съезду РКП(б) и в докладе на этом съезде¹⁰, я указывал, что к моменту Великой Октябрьской социалистической революции «господствующим в киргизском обществе оставался полупатриархальный-полуфеодальный уклад» («Очерк», стр. 42).

О полупатриархальных-полуфеодальных отношениях как о стадии, до которой дошло развитие киргизского общества к моменту присоединения к России, имеется указание в другой моей работе¹¹. Но и в этой последней (стр. 167), и в некоторых местах «Очерков» (стр. 43, 47) роль патриархально-родовых пережитков, хотя и составлявших некоторый элемент патриархально-феодальных общественных отношений, излишне подчеркнута, преувеличена, а удельный вес и значение феодальных отношений раскрыты не в полной мере. Речь должна была идти о глубоком своеобразии феодальных отношений в условиях скотоводческого хозяйства и патриархально-родового быта, об известной незрелости этих отношений¹². Но я не нашел точной и отчетливой формы для изложения этого важного вопроса. Имея в виду своеобразие и незрелость феодальных отношений, я и писал, что они «не представляли собой определенной системы». Специально исследовавший этот вопрос Л. П. Потапов дал в одной из своих последних работ правильную характеристику того типа феодальных отношений, какой был характерен и для киргизов. Он отнес отношения этого типа к ранним формам феодальных отношений¹³.

Как видно из изложенного, наряду с отдельными правильными оценками общественных отношений у киргизов, в моих работах нашли себе место и недостаточно четкие, неточные, противоречивые оценки. Это не могло не привести к нежелательным толкованиям, — например, об отсутствии в киргизском обществе классовых противоречий, классового гнета и т. п. Между тем я стремился подчеркнуть и классовые противоречия, и гнет местных феодалов-манатов, и формы эксплуатации ими трудя-

⁹ См. журн. «Советская этнография», 1949, № 2, стр. 174.

¹⁰ См. И. В. Сталин, Соч., т. 5, стр. 25, 47.

¹¹ «Черты военной организации и техники у киргизов», Труды Института языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР, т. I, 1945, стр. 168.

¹² Попытка дать оценку феодальных отношений с более правильных позиций была сделана мной в одной из ранних работ («Современное манаство в Киргизии», «Советская этнография», 1931, № 3—4, стр. 44).

¹³ Л. П. Потапов, Ранние формы феодальных отношений у кочевников, Записки Хакасского научно-исслед. ин-та языка, литературы и истории, вып. I, История, этнография, археология, 1948.

щихся, но сделал это неудовлетворительно. Крупнейшим недостатком всего изложения, касающегося социально-экономического уклада киргизов в прошлом, является весьма слабый показ классовой борьбы как движущей силы развития киргизского общества.

В связи с этим я должен коснуться вопроса об оценке мною некоторых национальных движений. Так, например, не получило правильной оценки реакционное по своему характеру так называемое Андиганское восстание («Очерк», стр. 25). Требуется пересмотра и оценка восстания 1916 г., данная мной в этой же книге.

Должен указать и на отдельные элементы идеализации феодального прошлого, которые проявились, например, в неверном освещении, в извращении подлинной роли феодала-поработителя южных киргизов Курманджан-датхи («Очерк», стр. 51), в переоценке значения эпоса «Манас», оказавшего некоторое влияние на массовое художественное творчество (там же, стр. 88), в излишне красочном описании выступления Манаса в поход («Черты военной организации...», стр. 176) и в некоторых других фактах. Эти отдельные проявления идеализации прошлого ничего, кроме вреда, принести не могли.

Я обязан признать, что неполная и неточная, в ряде положений глубоко ошибочная характеристика значения и последствий присоединения Киргизии к России, взаимоотношений русского и киргизского народов в XIX в., неправильная оценка эпоса «Манас», недостаточное внимание к вопросам классовой борьбы в киргизском обществе, особенно в древний и средневековый периоды истории киргизов, а также и наличие отдельных элементов идеализации патриархально-феодального прошлого в моих работах являются результатом немарксистского подхода к анализу ряда этнографических и исторических фактов.

В некоторых из моих работ, напечатанных до 1948 г., нашло свое проявление некорректное отношение к положениям и оценкам в освещении истории киргизского народа, которые объективно вели к буржуазному национализму. Тем самым, независимо от моих субъективных побуждений, некритически воспринятые положения могли дать пищу для сохранения предрассудков и вредных традиций старого общества, находящих свое крайнее проявление в идеологии буржуазного национализма. Между тем борьба с этой идеологией как с одной из наиболее отвратительных и опасных форм антинародной буржуазной идеологии стоит в ряду важнейших задач советской этнографической науки; она должна являться такой же задачей и для меня как этнографа. Непониманием значения этой борьбы и можно прежде всего объяснить те серьезные теоретические ошибки и извращения, которые я допускал в своих трудах.

В том же «Очерке» очень мало сказано о вредительской роли буржуазных националистов (стр. 86, 91). Этому вопросу следовало уделить больше внимания; надо было сказать о попытках киргизских буржуазных националистов затормозить успешное социалистическое строительство, о разгроме контрреволюционного буржуазного национализма, осуществленном под руководством партии, о борьбе партии с рецидивами буржуазного национализма.

Первоосновой же антинаучной сущности ряда рассмотренных ошибок являлось недостаточное овладение марксистско-ленинской теорией.

Трактовка вопросов современной, советской культуры и быта киргизского народа в моей книге также оказалась несвободной от недостатков и ошибок. Некоторые из них я охарактеризовал в своем выступлении на заседании Ученого совета Института 29.X.1948 г.¹⁴ Самым крупным своим упущением я считаю недостаточный показ руководящей роли большевистской партии в деле развития национальной по форме, социалистической по содержанию киргизской советской культуры¹⁵. Между тем только в результате неустанной заботы партии Ленина — Сталина, ее повседневного руководства киргизский народ мог добиться замечательных успехов на фронте культурного строительства.

Точно так же не раскрыт мной и процесс борьбы за создание киргизской советской культуры, преодоления трудностей на этом пути. Об этой борьбе и трудностях упомянуто только кое-где, мимоходом.

Среди некоторых, неудовлетворительных формулировок в гл. IV и V «Очерка» особенно неудачной я считаю формулировку на стр. 97 и 114, которая неправильно ориентирует читателя в вопросе о причинах героизма киргизов-воинов в Великой Отечественной войне, преувеличивая роль и значение героических традиций предков, хотя в других местах гл. V на многих конкретных примерах раскрыт и подчеркнут главный фактор, лежавший в основе всех поступков советских людей на фронте и в тылу, — советский патриотизм, преданность социалистической Родине.

¹⁴ См. журн. «Советская этнография», 1949, № 1, стр. 169.

¹⁵ На это мое упущение, как и на ряд допущенных мной других ошибок (неправильное освещение вопроса о присоединении Киргизии к России, неверное толкование всякой борьбы киргизов против чужеземных сил как борьбы справедливой, чрезмерное восхваление эпоса «Манас») правильно указал М. П. Ким в своей статье «Об ошибках в научных работах по истории Киргизии» («Вестник Академии Наук СССР», 1952, № 5). Однако с некоторыми его критическими замечаниями по поводу освещения мной вопросов киргизской советской социалистической культуры мне трудно согласиться.

Весьма неудачным следует считать и выражение о «европейской культуре», воспринимаемой киргизами через посредство русских и украинцев («Очерк», стр. 75). Речь должна была идти, конечно, о русской культуре. Замечу, кстати, что не раз фигурировавшее в критике по адресу моей книги обвинение в том, что я «ухитрился свести» положительное влияние русской культуры к побелке стен, пользованию вилками, кроватями, самоварами и т. п., является несправедливым, так как замечание по этому поводу (на стр. 75) относится в книге по контексту исключительно к современному жилищу и домашней обстановке, а вовсе не к влиянию русской культуры вообще.

Решительно осуждая названные выше ошибки и недостатки, содержащиеся в некоторых моих работах, я хотел бы отметить, что после решений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, после философской дискуссии и ряда выступлений центральной и республиканской печати я стремился честно исправить допущенные ранее ошибки, полностью принимая и учитывая все то правильное, принципиальное и здоровое, что я находил в критике по моему адресу. Я переработал с учетом критики ряд подготовленных ранее к печати рукописей, развернув в них характеристику прогрессивного влияния передовой русской культуры на киргизскую культуру. В написанных в последние годы работах я пытаюсь дать новую трактовку эпохи присоединения киргизов к России и оценку существовавших у них до Октябрьской революции общественных отношений. Но я не сделал того, чего вправе были ожидать от меня советские читатели: не выступил в печати со строгим самокритическим анализом своих работ, с разоблачением содержащихся в них ошибок. Такое отношение к критике с моей стороны было глубоко неправильным.

В докладе товарища Г. М. Маленкова на историческом XIX съезде партии перед работниками идеологического фронта, перед советскими учеными поставлена серьезнейшая задача: неустанно разоблачать всяческие проявления чуждой марксизму идеологии, развертывать критику и борьбу мнений в научной работе. В свете этой задачи я вижу свою обязанность в том, чтобы и в дальнейшем настойчиво работать над преодолением своих прежних ошибок, не допускать их повторения в своих трудах, вести решительную борьбу с растленной идеологией буржуазного национализма, давать освещение изучаемым фактам с позиций единственно правильной теории марксизма-ленинизма.

С. Абрамзон